



# Ретро Спектива

Историко архивный журнал

2009  
спецвыпуск

**ЧИТАЙТЕ  
В ВЫПУСКЕ:**

«ВСЕ РАЗОШЛОСЬ  
КРУГАМИ ПО ВОДЕ»  
Камские гидростроители,  
1932–1937 годы

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ  
КАМСКОГО КАСКАДА  
«...Резервы подтянуты.  
Панорама стройки  
на три километра»

ЭТО НАША С ТОБОЙ  
БИОГРАФИЯ...  
Фотоархив

ЭКСПЛУАТАЦИЯ  
НАЧИНАЛАСЬ  
С РЕКОНСТРУКЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

ГАЙВА, ПЯТИДЕСЯТЬЕ  
Воспоминания  
современников







## «ВСЕ РАЗОШЛОСЬ КРУГАМИ ПО ВОДЕ»

Камские гидростроители, 1932–1937 годы

В индустриальный период люди, «работники по железу разному», вышли на регулировку больших равнинных рек. Кормилицы старого горнозаводского Урала — это домна и плотина на заводской речке, а в советской России со времени «Великого похода пролетариата», первой пятилетки, их место занимают комбинат, каскад заводов и гидроузел на реках из первого десятка крупнейших рек Евразии.

Наши первые гидроэлектростанции на равнинных реках строились из монолитного бетона с запасом прочности в расчете на прямое попадание многотонной бомбы. Отчасти это условие обернулось в предвоенный период, по страшному обычаю тридцатых годов, людскими драмами и трагедиями.

### «В ПОСЕЛКЕ... СЕЙЧАС ТИХО И ГРЯЗНО»

Когда говорят о начале строительства Камской ГЭС, справедливо вспоминают слова Вильяма Гергерта, начальника строительства основных сооружений Камгэсстроя, «мобилизованного немца» — и потому до 1955 года человека без паспорта: «Строительство Камской ГЭС началось... с жилья», — говорил он. Но ведь эти слова относятся к концу сороковых годов, к послевоенному времени. И что же в таком случае делали камские гидростроители в тридцатые годы? Ведь с 1932 года до 1937 го, до прекращения строительства и начала Большого террора, они как никак освоили примерно сто тридцать миллионов сметных рублей<sup>1</sup>, выстроили жилье и подсобные предприятия по обоим берегам Камы и приступили к строительству первой перемычки и шлюза — основных сооружений!

В начале тридцатых годов на правом, сельском берегу Камы возник комбинат «К» (Камхимстрой, ныне завод имени Кирова). В Перми раскинулся комбинат «М» (ныне «Моторостроитель»). Но даже не энергопитание этих гигантов первой пятилетки было руководством для инженеров управления «Большая Волга» Главгидроэнергостроя, первых проектировщиков Камской станции, при выборе ее местоположения.







Направом же берегу Камы, примерно там, где сегодня завод «Камкабель», предполагалось разместить алюминиевый комбинат (с выработкой до 35 тыс. тонн алюминия), а рядом с ним и магниевый<sup>2</sup>. И не менее трети произведенной Камской ГЭС электроэнергии предназначалось для каскада алюминиевых заводов. Другим потребителем называлась нижнетагильская группа заводов, Пермский промышленный район, Трансуральская сеть<sup>3</sup>.

В марте 1932 года Совнарком и ЦК партии признали необходимым сооружение «большой гидростанции на реке Каме в районе г. Перми» в числе трех больших гидростанций в Средней Волжской системе. «Срок окончания строительства установок — весна 1935 года»<sup>4</sup>.

В самой Перми, тогда районном центре Уральской области, тепловая каменноугольная станция им. Каменева испытывала следующие трудности: «Станция питается при помощи двух моторов и изношенных резиновых руфкавов, установленных на барже. Ледоход угрожает разрушить все это сооруже-

жение»<sup>5</sup>. В октябрьские праздники городские власти всерьез опасаются иллюминировать Пермь, ведь «увеличение нагрузки сети в дни октябрьских торжеств может вызвать прекращение освещения города»<sup>6</sup>.

Угля не хватало. По этой причине не достроили Кизеловскую ГРЭС под проектные мощности. И по этой же причине пермская милиция, выполняя решение горисполкома о запрете потребления электроэнергии для осветительных целей в квартирах, назначала усиленные наряды для проверки<sup>7</sup>. Стоил киловатт/час для граждан тогда, как билет в баню или одна поездка на трамвае.

И вот, по решению Совнаркома в северное предместье Перми, в Левшино, приехали первые «восемь десятков ИТР со значками с гидроэлектростанции — простыми кусочками голубой эмали на воротничках простых пиджаков», — пишет в ноябре 1932 года очеркист газеты «Звезда» Владимир Блок. «В поселке, где разместились большой коллектив техников и инженеров, приехавших с ДнепроГЭСа, сейчас тихо и грязно».

А летом того же года прошло в Перми, в клубе Профинтерн, первое общественное слушание о строительстве. «Нужен был один ответ — много ли воды будет уходить через породы под плотиной и в обход ее и как опасно это для устойчивости огромного водохранилища и для устойчивости плотины?» — пишет газета «Звезда».

В этом вопросе строительство увязло на все последующие четыре года и при начале Большого террора провалилось в него, будто в полынью. После работы ликвидационной комиссии в 1937 году коллектив и имущество Камгэостроя разобрали на два других не менее грандиозных проекта, порученных НКВД. Во первых, вернулись к более раннему проекту соединения Печоры и Камы и к строительству Соликамского гидроузла с плотиной на Колве. Второй и главный преемник ликвидированного Камгэостроя — самая большая станция европейской части России — Куйбышевская ГЭС (ныне Жигулевская).

В итоге ни та, ни другая станции построены тогда не были. Под Соликамском столкнулись с той же геоло-



гической трудностью, что и в Левшино. И в Куйбышеве, в общем, с ней же: русло Камы у Перми подложено породами, содержащими гипс, а в русле Волги у Куйбышева вместо прочной скалы оказались мощные отложения доломитовой муки. Гипс у Перми предполагалось заморозить, сделать зоной вечной мерзлоты, а волжскую «муку» облить горячим парафином, чтобы довести ее до скальной прочности. «Это смехотворно», — выразился один из экспертов проекта, профессор А. Сенков по поводу превращения муки в скалу посредством парафина. «Получается впечатление, что руководители строительства стремятся поразить всех небывалыми трудностями и небывалыми объемами работ», — заключает профессор <sup>8</sup>.

В литературе называются разные причины, по которым Соликамский и Куйбышевский проекты не были осуществлены. Первая — нехватка рабочей силы, под которой государство в первую очередь подразумевало труд заключенных. После ликвидации Вишерлага в 1934 году на территории Прикамья пять лет не было больших ГУЛАГовских лагерей, пока не создали громадный — на 200 квадратных километров — лесной Усольлаг в 1938 м. Каким то образом не хватило рабсилы и Самарского ИТЛ для колоссального энергопроекта на Волге, хотя в этом лагере к концу 1940 года содержались 40 тысяч заключенных!

Говорят и об общем изменении отношения в конце тридцатых годов к большим гидропроектам в пользу средних и малых: «Исходя из военно-стратегических соображений» <sup>9</sup>. В замечательном издании фонда «Юбилейная летопись» упоминается и низкая оценка действия нашей авиации в испанской и финской войнах, вызвавшая переориентацию на средние и малые тепловые и гидрообъекты, чтобы сосредоточиться на строительстве авиационных заводов. Например, трех авиазаводов у того же г. Куйбышева <sup>10</sup>.

Можно и так сказать, что камский проект разделился, вопреки убеждению гидрогеологов и наркомата электростанций не строить средние и малые станции, на два местных малых проекта: Широковскую ГЭС на реке Косье и Поньшскую на реке Чусовой. Станции по одной турбине, с суммарной мощностью обеих, равной одной из семи турбин на Камской ГЭС. Так было решено в 1942 году с учетом дефицита угля на Урале и «Рациональным энергоснабжением Урала в условиях войны». Снова не хватило ни заключенных, ни средств на возведение в срок обеих станций к июлю 1944 года. После войны, в 1948 году, геологоразведка определила значение алмазных россыпей на Чусовой как «единственных в СССР россыпей, имеющих промышленное значение», поэтому отложили и строительство ГЭС на Чусовой <sup>11</sup>.

Судьба! Доведись геологам Министрства геологии поработать тогда же на Чаньве, Чикмане и Косье, может, и достройку Широковской ГЭС отложили бы. Ведь этот район перспективен, как выяснилось много позже, для добычи алмазов.

## «ТОВАРИЩИ ВРЕДИТЕЛИ»

Может быть, какая то смелость отличает послевоенных гидростроителей от довоенных. Это не особенность камского строительства, что проекты сооружений составлялись одновременно с их возведением. Эта черта характерна, похоже, чуть ли не для всех одиннадцати станций Волжско-Камского каскада, или для большинства из них.

Гидростроители тридцатых и пятидесятых одинаково точны и даже до тошны. Да что там, они те самые люди. Но «первые» перепроверяют данные, будто замороженные. Если строить ответственные сооружения можно только на скале, а скалы нет, то ее надо сделать: заморозить гипс или залить парафином доломитовую «муку».

В доносах их подозревают во вредительстве, но они не оставляют перепроверку. Вот они уже на подозрении как японские или германские шпионы и снова вредители, но беспокоят их





словно одни только дополнительные исследования многократно проверенных объектов.

Вряд ли им и до войны не приходило в голову примененный после способ соединить в одном здании «водотечи» для сброса паводка и машинные залы с турбинами полетче, чтобы удешевить все сооружение, а главное — облегчить его и тем поставить фундамент повыше над гипсом водохлебом. И ведь не приснилась в 1950 году, как периодическая таблица элементов Менделееву, инженеру Николаю Малышеву его теория строительства крупных бетонных гидротехнических сооружений на мягких грунтах. И в начале тридцатых рассуждали в СССР об этом, а американцы так даже построили в 1921 году плотину на песчаном основании.

Но словно не было решимости. Откуда же она потом взялась?

«Пройдя тяжелейшие годы войны со строительством оборонительных сооружений, эвакуированных предприятий в очень короткие сроки, — вспоминает Николай Петрович Бородин, участник послевоенного строительства Куйбышевской и Саратовской ГЭС, — часто без всяких изысканий и проектов, руководствуясь практическим опытом, строители и проектировщики настолько осмелели, что смогли отказаться от мировой практики расположения

тяжелых гидротехнических сооружений только на скальных основаниях»<sup>12</sup>.

А пока, в тридцатые годы, проектировщики руководствуются многократно проверенной мировой практикой. Под наблюдением американских инженеров построена ДнепроГЭС, с учетом мирового, то есть американского опыта. Шведы отказываются от участия в строительстве одной из наших станций из замятких грунтов речного русла.

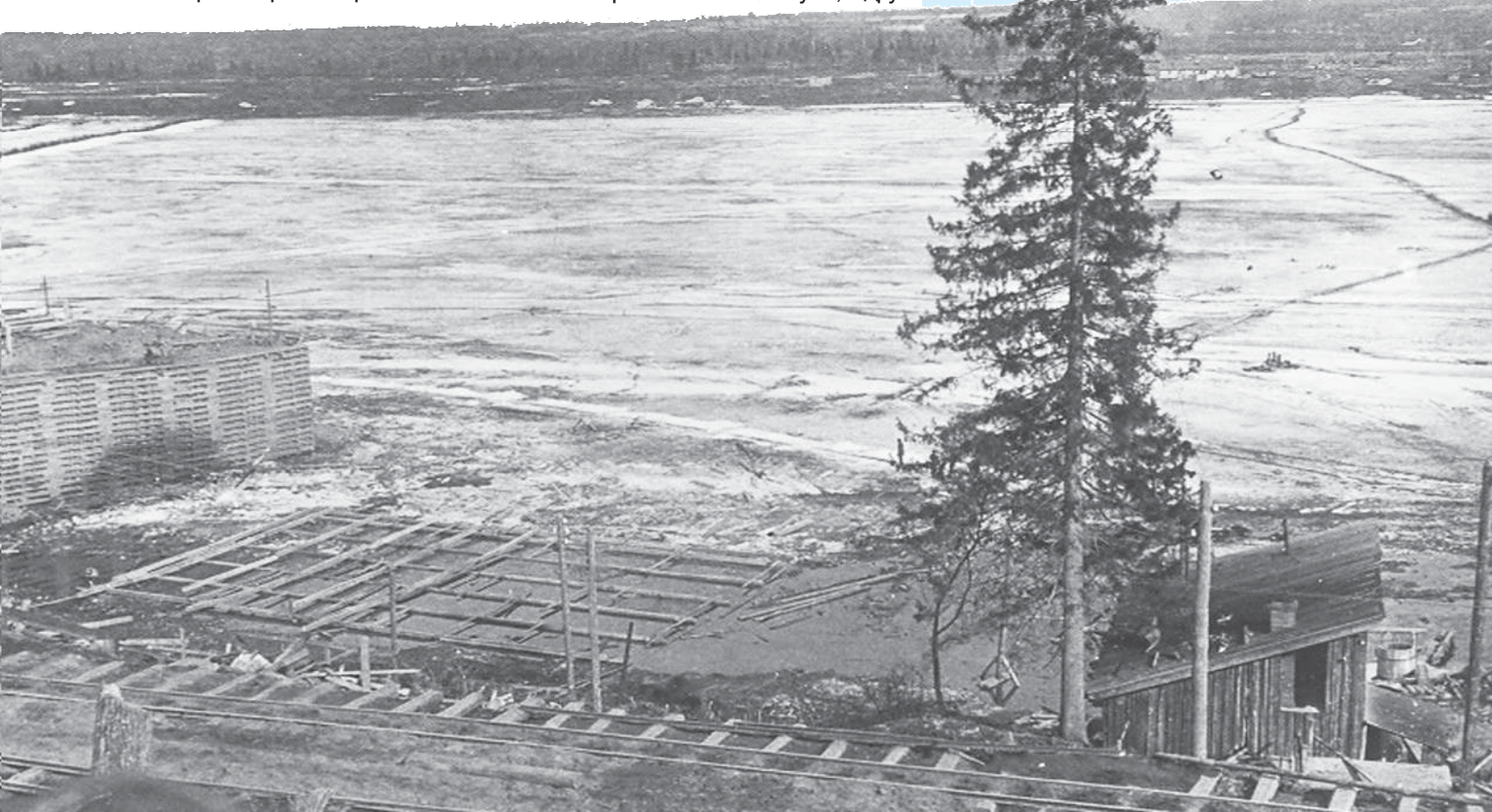
Где то в начале 1936 года на Каму приезжали инженеры Миланского бюро. Затем в своем докладе инженер Марчелло напишет: «По нашему мнению, решение, предусматривающее основание плотины на ваппах, должно быть безусловно отклонено»<sup>13</sup>. Ваппы — это тяжелые глины. На них и поставили в пятидесятые годы нашу станцию, в ее облегченном по сравнению с проектом тридцатых годов варианте. С этой синей глиной шоферы и экскаваторщики пятидесятых годов зачем то учились разговаривать! Зачем? Вот зачерпнет экскаваторщик «шмат» глины в какую нибудь тонну весом и опрокидывает ковш в кузов. Глина висит в ковше, все ждут. Пять минут, десять, пятнадцать. Потом глина, как движется из ковша, и ладно, если не на борту!

Но что же было делать с заключением итальянских специалистов? На глине строить они не советуют, а дру

гие породы в той или иной степени содержат гипс, который под давлением сооружения подземные воды будут вымывать, — тоже нельзя. Так на чем же можно, ведь ничего другого нет?

Алексей Адамович, начальник отдела исследований Камгэостроя, в ноябре 1936 года составляет для кого то выборку примеров обрушения американских станций, построенных на грунтах, содержащих гипс. Это описательные материалы из книжки журналов, не исчерпывающие источники, но тем не менее. «Плотина Graudas Cherfas... обнаружилась на фильтрация в основании... обрушилась в феврале 1883 г. ... Плотина Austin (в Техасе) обрушилась в апреле 1900 г. ... образование пустот в постепенно растрескившемся известняке основания... Катастрофа плотины San Francis около Лос Анджелеса в марте 1928 года указывает на опасность нахождения глинистых сланцев под основанием... кроме того, под плотинной были прослойки гипса, он был растворен»<sup>14</sup>.

И вот, он пишет что то свое, исследование, в штате его отдела примерно восемьсот рабочих и ИТР. А нар







ком тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе в этом же году говорит о том, что «Камгэсстрой строит медленно и дорого», и вождь партии тов. Сталин на 1 м Всесоюзном совещании стхановцев говорит: «Что-то не слышно об Урале или очень мало слышно об Урале»<sup>15</sup>. И в Наркомате юстиции где то примерно в это время в статью 58 Уголовного кодекса добавляют пункты ППЗ и ППЗТ («Преклонение перед западом и западной техникой»).

Возможно, в мобилизационной экономике поиск вредителей и стахановское движение использовались как ножи, чтобы просто резать смету.

В том году, когда Орджоникидзе критиковал смету и темпы камских гидростроителей, на Камгэсстрое каждый третий или четвертый работник был стахановец. Необоснованные или голословные обвинения, словом, доносы теперь такой же канцелярский жанр, как производственные записки и поручения. На каждый обоснованный запрос следует встречная инициатива существенного удешевления, а кто про должает спорить, тот вредитель — «обнаружил себя». Но на кого же тогда перекидывали урезанную смету?..

«Перемычки ряжевые, американского типа, снаружи обшиты металлическим шпунтом Ларсена»<sup>16</sup>, — объясняет руководство стройки очередную

принятую смету. Именно такого рода перемычки и обшивка применялись и в период послевоенного строительства нашей станции.

Вот что то письмо комментирует бюджет: «В смету включен металлический шпунт... только потому, что давал удорожание работ вдвое... В Наркомате тяжпрома смету уменьшили (на 400 млн. руб. — С.Б.). По этому поводу начальник работ по плотине Десфонтейнес выражался: «Стахановское движение режет смету»... Стремления были направлены к тому, чтобы приятнее

провести время на стройке, выбрасывая деньги в реку, как это имело место на Днепре... Вариантов много, а проектов нет. Проектирование ведется для проектирования».

Можно было бы вспомнить об этой, одной из сотен обсуждаемых деталей только как о рабочем моменте обсуждения, если бы такие «бумаги» не имели последствий для судеб и биографий.

Кажется, еще в 1935 — начале 1936 года было поспокойнее. Вот в марте 1936 года секретарь парткома стройки делает обход рабочих общежитий — канун Дня Парижской коммуны. «Я не обнаружил в общежитиях, — сообщает он в секретной записке о состоянии партработы, — ни одного агитатора, беседчика, разъясняющего материалы о Парижской коммуны. Вместо этого в общежитии №20 обнаружены и изъяты пять книг, которые читались рабочими: «Меньшевики», авт. Д. Эрде, «Каждый» — В. Стальной, «Эсеры», авт. С. Черномордик, «Анархисты» — М. Раввич-Черкасский, «Монархисты», авт. В. Залевский»<sup>17</sup>. Изъяты, и только то.

Где то, может, с осени 1936 года друг за другом следуют «Компрометирующие материалы на сотрудников Камгэсстроя»: «При этом препровожаем список соц. чуждого элемента, работающего на строительстве для сведения. Приложение: по тексту на





11 листах на 138 человек»<sup>18</sup>. Напротив фамилий 69 человек от руки написано: «Уволен». За что? Объясняет сам список и следующее за ним:

«Секретарь главного инженера, дочь крупного купца Кишертского райо\$ она... Юриконсульт, в прошлом за\$ щитник, имел большой дом... Техник, сын служителя религиозного культа... Завдетяслями, жена благочинного свя\$ щенника, осужденного за контррево\$ люцию, последний с работы бухгалте\$ ра Камгэс снят...

Молотобоец, сын кулака... Техник, сын офицера... Инженер, служил у ге\$ нерала Семенова... Старший геолог, б/ активный белогвардеец, прибыл из Том\$ ска... Начальник АО, привлекался с де\$ лом промпартии... Старший кассир, ку\$ лак самоликвидировавшийся... Техник, б/ офицер флота... б/ старший офицер, находился в плену у поляков... Сын пога\$ лищенца... Моторист, б/ буржуа... Чер\$ норабочий, сын кулака... Зав. водным транспортом, бывший пароходовладе\$ лец, вынужден с Днепростроя по второй категории... Доброволец белой армии, в 1920 г. эмигрировал за границу с бель\$ ми, в 1921 г. вернулся в СССР...

Зав. материально-технической ча\$ стью имеет минус как ссыльный цент\$ рального города... Уборщица, кулачка и лишенка... Старший конюх, лише\$ нец... Грузчик, перебежчик из Румы\$

нии... Бригадир, был у Колчака и в Ки\$ тае... Пом. нач. эл. отд., в период петлю\$ ровщины и денкинецщины был на их территории в Киеве...».

Еще через полгода, в мае 1937 года, хозяйственно-производственный актив строительства принял резолюцию, о которой иногда упоминается в литературе. Потому что приехавший на это собрание академик Александр Васильевич Винтер, руководитель Главгидроэнерго\$ строя, также чуть было не оказался в Левшино «вредителем». Говорят, что упреки и обвинения он «выслушал сло\$

койно, забрал стенограмму и уехал». В резолюции же, принятой активом, гово\$ рилось: «...вредительство захватило Камгэсстрой... о чем свидетельствует раскрытие агентов японо\$немецко\$фа\$ шистской охраны... На целом ряде уча\$ стков сидели матерые троцкисты»<sup>19</sup>.

Среди «троцкистов» оказался и пре\$ жний секретарь парткома, тот, что хо\$ тел достойно встретить День Париж\$ кой коммуны.

Вскоре было принято решение о прекращении всех работ на камском гидроузле. И причина этого, конечно, не в напраслине, возведенной на ака\$ демика, в недавнем прошлом главного инженера строительства Днепротэса. Ведь, в конце концов, чем тогдашний Главк отличался от золотой клетки — знаменитой шарашки?

За месяц до официального закры\$ тия стройки исполняющий обязаннос\$ ти начальника отдела найма Вейде пи\$ сал начальнику строительства: «Поли\$ тическая обстановка на площадке была очень сложна, и местная пресса при\$ зывала «так организовать бдитель\$ ность, чтобы ни один социально чуж\$ дый элемент не проникал на стройку... Последние три месяца я вынужден чуть ли не ежедневно отводить от себя об\$ винения в преступлениях, которые я не совершал... В системе Главгидроэнер\$ гостроя работаю десять лет».







В том же 1937 м, в год закрытия строительства, одна из докладных записок извещает академика Винтера: «...аппарат, находясь в условиях неполной загрузки вследствие полуконсервации работ... распустился и даже разложился»<sup>20</sup>. А один из начальников отдела стройки пишет Алексею Котомину, начальнику строительства: «Практика финансирования носила характер торможения работ, влекущего затяжку сроков, замораживания средств и удорожание строительства»<sup>21</sup>.

Что значит «полуконсервация»? Если Днепротэс финансировался ровно, примерно по двадцать процентов от сметы ежегодно в течение четырех лет, то Камгэсстрой получал в течение своих четырех лет от двух до шести процентов от сметы. Суммы по себе, конечно, все равно были большими. В конце 1936 года на работах Камгэсстроя были заняты свыше 9 тысяч человек, население на обоих берегах стройки — 15 тысяч человек<sup>22</sup>. В этом же году стройка получила 60 миллионов рублей, на следующий год ей пообещали 80, но дали 17 миллионов.



И при урезаемых сметах реальная стоимость строительства значительно превышала плановую<sup>23</sup>. Но Камгэсстрой не был в этом смысле особенным. В 1935 году все стройки Главка сорвали Всесоюзный конкурс на лучшую стройку Наркомтяжпрома: «Конкурс большим строительством провален»<sup>24</sup>. В мае 1936 года Главк снизил сметы по всем стройкам, камской на четверть от обещанного — миллионов на двадцать. Камгэс в 1936 году был самой дорогой стройкой Главка после Чирчикской ГЭС (Узбекистан), всего же строилась 21 станция<sup>25</sup>. Начальник камской стройки и по совместительству ее главный инженер получал оклад 3400 руб., начальники отделов 700–2000 руб., уборщица 75 руб., машинистка 150 руб. Киловатт в общежитиях квартиры для рабочих стоил 22 копейки, для увеселительного заведения, ресторана — рубль.

## ГИПС В ЭПОХУ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА

И оставалась, никуда не делась неопределенность с таким существенным вопросом, как устойчивость и безопасность будущего ответственного сооружения.

Вот выбрали наконец вариант — во сколько очередей закрывать перемычки реки: этот «вопрос был разработан во многих вариантах. Все были отфигурнаты, так как удорожали стоимость и удлиняли сроки»<sup>26</sup>. А в апреле 1937 года (строительству шел пятый год) на совещании при академике Веденеве, главном инженере Главгидроэнергостроя, решили наконец «исследовать такие работы считать в основном законченными». Кроме одной.

«Не имея уверенности в возможности расположения сооружений на вапсах (плотных глинах. — С.Б.) вследствие недостаточной изученности физических свойств их, принять расположение ГЭС и голов шлюза на известняках», — постановило совещание. И провести еще исследования. По глинистости грунта, содержащего гипс, по его битумизации, цементации, силикатизации и замораживанию.



Последнее было выбрано как предпочтительное. «Чрезвычайная ответственность сооружений, неуверенность, которая всегда будет иметь место, — писал инженер Миланского бюро Марчелло в мае 1936 года, — необходимость принять все меры для обеспечения сооружениям такого значения практически вечной устойчивости, — все это заставляет нас советовать принять радикальные мероприятия, которые обеспечат полную водонепроницаемость пород, залегающих в основании плотины»<sup>27</sup>.

Морозильная установка по созданию стены вечной мерзлоты перед сооружением в верхнем бьефе обеспечивала «полную эффективность при очень высокой стоимости работ и эксплуатации». Хотя итальянцы советовали устроить цементационную вертикальную завесу от фильтрационных вод, что и было сделано в пятидесятые годы.

Гипсовый лед хоть и дорогая, но зато и самая надежная защита. В пробуренных скважинах планировали установить систему металлических труб с постоянной циркуляцией охлаждающей углекислотной жидкости, в два ряда, вероятно, в шахматном порядке. Охлаждающий раствор подбирался с температурой от минус 20 градусов по Цельсию до минус 40 градусов.

В это время на одной из Березниковских калийных шахт инженер Пучков П. Е. поставил рекорд бурения при помощи замораживания.

«Не откажите в любезности выдать копии всех чертежей замораживающей установки, переданной нам согласно распоряжения наркома. Чертежи крайне необходимы для монтажа ее (так в тексте. — С.Б.)», — пишет не по времени галантно Алексей Котомин, начальник камской стройки, управляющему «Союзкалия».

Буровое оборудование фирмы Генрих Ляпп и германскую холодильную установку фирмы Борзига передали стройке на баланс, хотя, кстати, вначале договаривались о покупке «ея»<sup>28</sup>.

И вдруг, как камень упал, грянуло решение о прекращении строительства на Каме.



Еще в феврале 1937 года начальник стройки шлет телеграмму в Гидрострой командированному в Главк своему начальнику отдела кадров (Гольдбергу, работавшему в той же должности на ДнепроГЭСе): «Настаивайте необходимости района вербовки», а в марте просит Свердловское отделение НКВД: «Ввиду острого недостатка рабочей силы, прошу направлять освобождающуюся на строительстве СУРЭС рабочую силу (трудпоселенцев) для работ на Камгэсстрое». Но Главк не поддержал. «Считаю это мероприятие нежелатель-

ным и дорогостоящим», — писал Котомину академик Винтер<sup>29</sup>.

Тут можно сказать, что Вишерлаг был уже три года как закрыт, а громадный Усольлаг учрежден будет через год. И на территории всех прикамских районов Уральской области как раз в годы строительства ГЭС было не более пяти тысяч заключенных<sup>30</sup>. Даже не верится.

Примерно 2200 человек были в 1936 году завербованы Камгэсстроем в Кировском крае и Мордовской АССР, триста человек в Перми. «Средняя стоимость одного вербованного в Кирк







и Мордовской АССР 177 руб. 7 коп., — из акта ревизии бывшего отдела кадров<sup>31</sup>. — Кроме того, выплачено НКВД 68 тыс. за переброшенных на работу на площадку строительства 525 человек принудил овцев. Средняя стоимость за веза одного принудило вца 131 руб.».

Ликвидационную комиссию потом почему то отдельно интересовало, за чем в Мордовию отправили два велосипеда? «В порядке оказания материальной помощи колхозам», — объяснялись кадровики. По этой же причине «санкционированы расходы в сумме 400 рублей на обеды председателей колхозов и на покупку папирос». И колбасы, и пирожков. Велосипед в те годы стоил 280 рублей<sup>32</sup>.

Хлопотали о наследстве и местные власти. «В связи с прекращением строительства жилфонд разбирается и пещевозится на новое место в Куйбышев,

— пишет в Свердловский обком секретарь Орджоникидзевского райкома ВКП(б) в августе 1937 года, — тогда как в полутора-двух километрах от поселка расположен суперфосфатный завод имени Орджоникидзе. . . Сотни рабочих живут в полуземлянках. К тому же (их) жилой поселок расположен в зоне вредности газов, а рядом разламываются прекрасные рубленые восьмиквартирные дома с водопроводом, канализацией, ванными»<sup>33</sup>.

Сохранилось трогательное письмо из отдела исследований камской стройки в Пермский госуниверситет: «Отделом исследований пройдены две шахты 98,6 и 60,5 м. . . Имеется сеть разветвленных выработок в наиболее интересных зонах геологического разреза. Камгэсстрой считает своим долгом предложить Университету дальнейшее ведение работ по изучению шахт. Наши шахты являются

единственными крупными горными выработками этого типа во всем Прикамье. Думаем, что они послужат весьма удачным объектом для прохождения ваших студентами практики. Помощник главного инженера Беляков. Начальник отдела исследований Адамович»<sup>34</sup>.

Что сулила переписка по партийной линии? «Информационная записка о фактах вредительства на Камгэсстрое» напоминала: «Начальник технического отдела Иродов, сын кулака. . . Моисеев, главный механик, был во Франции по своей инициативе. . . Хмелевский, начальник геодезии, белогвардеец. . . Косыкин, отдел технического снабжения, сын торговца». «В связи с прекращением строительства специалисты будут переброшены на другие стройки, — говорится в очередной записке, — вызывают сомнения о вредительских действиях следующие специалисты: начальник работ по плотине Десфонтейнес, главный инженер Беляков, начальник шахты Рутт. . .»<sup>35</sup>

Старому Добрянскому заводу, по павшему в зону затопления, срезали по этой причине финансирование. А потом угнали в лагерь руководство завода, потому что завод не выполнил «дополную» производственную программу.

На Гайве снова стало «тихо и грязно», как написал бы, может, очеркист газеты «Звезда». Гидростроители со значками из голубой эмали развезались сами по себе или их увезли. Имущество и постройки утекли вниз по Каме, не известно, с пользой или нет. Пуды документации сданы в архив, все труды, казалось, разошлись кругами по воде.

Сергей БОРОДУЛИН  
Фото из фондов ГАПО

1 Из доклада управляющего трестом Камгэсстрой А.А. Котомина. ГАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 65.  
2 «Техико-экономическое значение Камской ГЭС». ГАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 113.  
3 ГАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 26.  
4 «Звезда», 7.11.1932 года.  
5 «Звезда», 25.02.1932 года.  
6 «Звезда», 31.10.1928 года.  
7 «Звезда», 22.10.1930 года.  
8 «Заключены на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР». М., 2008 г., стр. 48.  
9 «Заключены на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР». М., 2008 г., стр. 18.  
10 «Венный двигатель. Волжско-Камский энергетический каскад». М., 2007 г., стр. 82.  
11 «Докладная записка о прекращении строительства Поньшской ГЭС», в кн. «Заключены на стройках коммунизма.

ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР». М., 2008 г., стр. 88.  
12 «Венный двигатель. Волжско-Камский энергетический каскад». М., 2007 г., стр. 84.  
13 «Ответы на вопросы, поставленные академиком Веденеевым Б.Е.». ГАПО, ф. 207, оп. 2, д. 150, л. 35.  
14 ГАПО, ф. р. 207, оп. 2, д. 19, л. 60.  
15 «Стахановское движение на Камгэсстрое». ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 20, л. 16, 20.  
16 «Краткая записка по основным данным проекта, работ и смете Камгэсстрой». ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 39.  
17 ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 20, л. 4.  
18 ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 4.  
19 «Резолюция от 22-23 мая 1937 г.». ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 72.  
20 ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 78.  
21 «Начальнику строительства. Докладная записка». ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 90.  
22 ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 65.

23 ГАПО, ф. 207, оп. 1, д. 54, л. 481.  
24 «Приказ по главному управлению Главгидроэнергостроя». ГАПО, ф. 207, оп. 1, д. 54, л. 568.  
25 ГАПО, ф. 207, оп. 1, д. 74, л. 286.  
26 ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 40.  
27 «Ответы на вопросы, поставленные академиком Веденеевым Б.Е.». ГАПО, ф. 207, оп. 2, д. 150, л. 37.  
28 «Вредяцию «ЗакамГЭС». ГАПО, ф. 207, оп. 2, д. 114, л. 24.  
29 ГАПО, ф. 207, оп. 2, д. 9, л. 158.  
30 Андрей Сулов. «Спецконтингент». Екатеринбург — Пермь, 2003 г., стр. 67.  
31 ГАПО, ф. 207, оп. 2, д. 9, л. 18.  
32 «Заключению акту ревизии деятельности бывшего отдела кадров». ГАПО, ф. 207, оп. 2, д. 9, л. 14, 24.  
33 «Докладная». ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34.  
34 ГАПО, оп. 2, д. 114, л. 170.  
35 ГОПАПО, ф. 100, оп. 1, д. 34, л. 121, 131.